

ЧТО-ТО, ЧТО ТЫ КОМУ-ТО ДОЛЖЕН

Рассказ

С теннисного корта раздавался размеренный стук мяча и смех. Я смотрел то на нее, то на него и ждал, когда их ярко-зеленый мячик перемахнет через сетчатый забор и полетит в мою сторону. Оба в белых поло, с напульсниками на запястьях. У него специальная повязка на лбу – чтобы пот не заливал глаза, у нее – спортивный козырек, из-под которого торчал на затылке тугой хвост русых волос. Он все время мазал и картинно падал на корт, выкрикивая что-то глупое, чтобы повеселить ее, а потом не спешил вставать. В этот день у него, видимо, не было настроения играть всерьез. Она звонко смеялась, глядя на его выходки, но в смехе ее чувствовалось разочарование от матча. Этим солнечным утром она был настроена выложиться на полную, но все планы рушил партнер.

Мячик в очередной раз улетел за пределы площадки; он вытянул длинную руку, делая вид, что пытается дотянуться до него – и рухнул на покрытие. Она вновь засмеялась, но уже не так весело. Затем досадливо воскликнула:

– Андре-е-ей, ну ** твою мать!

– Не, Анют, – отозвался он, подтягивая под себя ноги, – все-таки последний бокал вчера был лишним.

Я смотрел на этот цирк, сидя на ящике с водкой, и ждал, когда мячик перемахнет через забор прямо ко мне. И хотя я наблюдал за кортом не первый день, этого так и не происходило. Да, наверное, и не могло произойти, ведь герои теннисного корта и работники алкогольного склада в реальной жизни не пересекаются. Я поник головой и сплюнул на асфальт. Слюна, упав в толстый слой пыли, свернулась в шарик. Вдруг я услышал пронзительный женский выкрик и тут же резкий стук мяча о ракетку. Это была Анюта. Наконец-то ее партнер выдал отличную подачу, и девушка изо всех сил вложилась в ответный удар – коротко вскрикнула на выдохе, представляя себя Марией Шараповой. Ее теннисная юбка в складку при этом сильно взлетела, обнажив розовые панталоны... Розыгрыш гейма затянулся, и Анюта еще несколько раз показала мне свое нижнее белье так, что мое воображение разыгралось и я живо представил ее спортивную молодую фигуру на полотне Дейнеки, чьи работы я незадолго до этого видел в Эрмитаже.

– Чего вылупился? – послышался грубый голос за спиной.

Это был наш бригадир Гена, в прошлом запойный алкаш, у которого теперь на шее, в области ключицы, была вшита подкожная ампула с ядом. Он как-то рассказывал нам, грузчикам, как на

Алан Цхурбаев родился в Тбилиси в 1976 году. Окончил факультет иностранных языков Северо-Осетинского государственного университета. Главный редактор литературного журнала «Дарьял», составитель сборника прозы современных русскоязычных писателей Осетии «Здесь были», сборника стихов «Острова Терека». Участник писательских семинаров в Липках, различных литфестивалей (в т.ч. «Белое пятно» (Новосибирск), «Красная площадь» (Москва) и многих региональных). Живет и работает во Владикавказе. Рассказы печатались в журнале «Дружба народов», региональных изданиях.

последний Новый год вырезал ее сам себе ножом, чтобы хорошенько напиться, а потом снова зашился. «Не, ну Новый год – святое дело...» – отвечали грузчики, такие же алкаши, и кивали.

– Чего смотришь, ну? – спросил Гена, хитро улыбаясь и подбородком указывая на корт, где прыгала Анюта в панталонах. Глаза у него при этом похотливо сверкали. – Давай вперед, Асланчик! Ты же кавказец, ты должен трахать все, что движется! – и захохотал, обнажая ряд страшных редких зубов.

Я на секунду оторопел от этого нового знания о себе, потом растер подошвой свой плевков, поднялся и молча пошел внутрь. Перерыв заканчивался, надо было возвращаться в зал, таскать ящики с бухлом.

На склад я подался потому, что Белобрысая, с которой я тогда жил, хотела на море. Вот только денег у нас тогда хватало только на еду вроде шпротного паштета и немного дешевого портвейна по особым случаям. Этим случаем как-то стал концерт «Модерн Токинг». Там мы перед сценой упились этого портвейна просто до ужаса. Как мы добрались в тот день до общаги, никто не помнит, но сохранился снимок ужасного качества, который она сделала. Я там улыбаюсь в камеру как идиот, а за мной на сцене стоит в черном плаще Томас Андерс с микрофоном и поет «Ёмаха, ёмасо». Когда я смотрю на это фото, думаю о том, в каком странном сочетании реальности тогда я жил – работа грузчиком, диссертация, поп-концерты, комната на двоих в общежитии, фонтаны Петергофа... И много еще чего.

Стипендии аспиранта мне хватало только на электричку до города и обратно, поэтому я подался грузчиком, чтобы заработать на море. Сначала я, правда, пошел устраиваться продавцом в книжный магазин, но там какой-то боров посмотрел мой паспорт и сказал, что с временной регистрацией они никого не берут, хоть ты им весь курс мировой литературы перескажи. Это было странно, мы тогда там были кем-то вроде нелегалов – без права на работу, но при этом с обязанностями вовремя сдавать главы диссертации.

Тогда я решил набрать одному родственнику, номер которого дала мне мама для особых случаев перед самым отъездом в Питер. Ну я и решил, что этот случай настал. Так я попал на торговый склад алкоголя у станции метро «Черная речка», где-то в тех местах, где Дантес убил Пушкина. Я каждый раз думал об этом, когда шел от метро до склада: настраивался на работу... Там, кстати, не только Пушкина убили. На углу одной из улиц стояло огромное заброшенное здание с выбитыми окнами, и на столбе рядом была приклеена листовка: портрет парня с короткой стрижкой, которого нашли мертвым прямо на этом углу. В тексте листовки сообщалось, что ищут свидетелей того случая, и я все время останавливался, вглядывался в лицо того человека и думал, найдут ли когда-нибудь свидетелей.

Другие грузчики на складе на меня посматривали подозрительно – какой-то молчун-кавказец, который не пьет и у которого один дополнительный день – среда. Этот выходной мне пришлось себе выбить через того же родственника, потому что среда была для меня кафедральным днем, и вместо того чтобы грузить водку, я грузил всех в университете своими новыми находками в области французской журналистики. Научным руководителем у меня был один плечистый мужик с греческим именем, который три года подряд, каждую среду, говорил мне одну и ту же фразу: «Привет, Асланчик!» Проблема заключалась в том, что меня не звали Аслан. В моем имени на одну букву меньше, но эта очень маленькая и простая деталь никак не могла зафиксироваться ни в голове моего бригадира-алкаша Гены, ни в голове моего научного руководителя, доктора политических наук. Ну хоть трахаться меня не заставляет, думал я каждый раз при этом.

Все остальные дни, кроме среды, я проводил на складе. Зимой там было тяжело, приходилось в перерыве сидеть в нашей каморке и играть в шахматы с одним долговязым стариком.

Больше заняться было нечем, я даже не курил. Этот старик был очень благородного вида и говорил не о том, о чем другие. Он красиво рассказывал о своем саде, о деревьях, но, к сожалению, он тоже был спившимся алкашом. Как-то раз после смены я чуть задержался, переодеваясь, минут на десять, не больше. Когда же наконец вышел со склада, прямо у подъезда уже валялся этот старик, и пустая бутылка «Столичной» покоилась рядом. Ну и скорости у вас тут, подумал я и пошел своей дорогой.

Когда потеплело, стало проще. Можно было выходить на улицу и глазеть на теннисный корт, а больше мне ничего и не нужно было. Странное ощущение – наблюдать за этими здоровыми, красивыми людьми в идеально-белой спортивной одежде из нашего спившегося дна, мира опустившихся, морально разложившихся людей. Водочный склад и теннисный корт были разделены высоким сеточным забором, и я все смотрел и удивлялся: почему мячик еще ни разу не перелетел через забор в нашу сторону? Они лупили по нему изо всех сил, мяч перелетал во все стороны, но никогда – в нашу. Как будто нас разделяло энергетическое поле из «Звездных войн». Я так втянулся в эту игру, что твердо решил – в день, когда их мяч окажется на территории склада, я уволюсь.

Помещение было гигантским, до потолка заваленным коробками с бухлом. Работали мы по двое. Когда поступал заказ, из офиса спускали накладную. Один брал рохлю, другой лазил по завалам из коробок и искал нужные ящики с водкой. «Шесть “Ювеналов”, три “Матрицы” и один “Топаз»». Когда заказ бывал собран, рохлю с накладной спускали на грузовом лифте вниз, откуда ее забирали фурунги.

Иногда к нам на перекур выходил Джазо, блатной тбилисский курд, который за нами присматривал. Джазо был настоящий дзвели бичи¹, и по этим понятиям относился ко мне как к своему дзмао²: каждый раз лез по-тбилиски целоваться при встрече. Русские всякий раз открыто смеялись над этим ритуалом, но Джазо не принимал их во внимание – гораздо важнее было соблюсти блатной этикет. У меня все это поначалу вызывало дикую неловкость, но чем чаще я слышал смех, тем сильнее начинал подыгрывать и лез целовать его щетинистую щеку пофактурнее, чтобы повеселить трудяг. Странно, но несмотря на эти культурные различия, Джазо отлично ладил со всеми. Чувство юмора у него было, правда, странное: шутил он с серьезным лицом, а когда, наоборот, говорил нечто серьезное – улыбался во весь рот. И еще у него была одна козырная шутка, которую он периодически повторял, и каждый раз успешно. Там в конторе работала прекрасная молодая девушка, даже не помню толком, чем она занималась, но постоянно ходила с бумажками из одного офиса в другой мимо нас. Формы у нее были совершенно не питерские, скорее московские, а то и вовсе краснодарские. И каждый раз, когда мы смотрели на ее зад в духе фламандского барокко, Джазо кидал нам:

– Такую только зимой трахать.

Мы все прекрасно знали окончание этой шутки и молчали; но какой-нибудь новичок обязательно в недоумении спрашивал:

– Почему зимой-то?

Тогда Джазо, бросив окурок под ноги, отвечал:

– Чтоб не простудиться.

И шел обратно в офис раскладывать пасьянс на компьютере. Толпа смеялась, и смех был в равной мере искренним и нет.

Так как большинство из нас на этом складе были оформлены нелегально, то зарплату мы получали в конвертах этажом выше. Обычно мы стояли в небольшой очереди в кабинет. Внутри

¹ Дзвели бичи – приблатненный, авторитет. Разг. (Здесь и далее груз.)

² Дзмао – брат.

сидел всегда один и тот же тип, жутко похожий на Юрия Гагарина. «Заходи, студент», – говорил он мне вежливо. «Аспирант», – поправлял я, а он поднимал глаза, делал какое-то невероятно сочувственно-грустное лицо и спрашивал: «Вот скажи мне, аспирант, если мы такие умные, то почему такие бедные?» В этот момент всегда хотелось врезать ему так, чтобы он улетел в открытый космос, но оставалось только расписаться в ведомости и забрать свои гроши.

Постепенно необходимая сумма на проект «Анапа» начала собираться. Белобрысая устроилась официанткой в ночной клуб и стала там зарабатывать больше, чем я на складе. Перспективы нашей поездки стали уже более реальными и вскоре, после очередного кафедрального дня в университете, я поехал в кассы у Казанского собора, отстоял там пару часов в очереди и купил два боковых плацкартных билета до Анапы с возвратом через две недели. Оттуда я поехал на Черную речку, чтобы забрать на складе последнюю зарплату и попрощаться с работягами.

– Трахни там за меня одну телку, а? – как-то слишком серьезно попросил меня бригадир Гена.

– Не переживай, Гена, самую красивую выберу.

– Спасибо, Асланчик! – чуть ли не со слезами на глазах произнес он и тут же добавил: – Только имя им свое не называй: не даст ведь никто! – и захохотал, снова обнажив ряд своих страшных зубов.

В чем-то Гена был прав. Мое имя в предварительных ласках имело какой-то странный эффект. Я еще перед отъездом в Питер подозревал, что что-то пойдет не так. Помню, мама, собирая меня в дорогу, вдруг очень строго сказала: «Ты мне смотри это, без глупостей там! А то знаю я этих русских – охмурят, и сразу голову потеряешь». «Ты что, мам, – ответил я тогда. – Я им свое имя назову, а если понадобится, то и фамилию, тогда точно сразу отстанут».

В дорогу мама приготовила четыре просто гигантских бутерброда из лаваша с домашними котлетами (по две в каждом бутерброде), с домашней же аджикой. Четыре – потому что ехали мы тогда с Беном, по два на каждого. Бен – это очень высокий и очень носатый черножопый, мой друг. Он был чуть старше меня и на тот момент уже пару лет учился в Питере. В Минводах Бена хлопнули менты за то, что пока он был в Осетии на летних каникулах, не оформил временную регистрацию на проживание в родном доме. Такова была Россия начала нулевых – хочешь двигаться, умеешь регистрироваться. Но мне потом было жутко неудобно перед Беном, потому что я точно знал, почему те менты к нам подкатили. Дело в том, что, когда мы вышли на остановке в Минводах, на мне были идеально чистые кроссовки белого цвета, ярко-зеленые и очень широкие спортивные, которые я выклянчил перед поездкой у двоюродного брата, и дорогая черная кожанка поверх. У мусоров не было шанса. Тогда они отняли у Бена шестьсот рублей, но, к чести Бена, надо сказать: из всей той поездки позже он всегда вспоминал только бутерброды.

«В России бабы сами на тебя кидаются», – говорили мне друзья с какой-то завистью в глазах, зная о моем скором отъезде. Но прошел месяц, два, и никто на меня не кидался. Это было странно, потому что мне говорили, что ничего делать не нужно, они просто берут и сами кидаются. Но этого не происходило. Я начал беспокоиться. И тут я как-то ехал в пустом ночном вагоне электрички «Питер – Ораниенбаум», и девушка в кожаной юбке из угла вагона, слегка покачиваясь, пересела на место напротив моего, очень красиво мне улыбнулась, широко раздвинула ноги и произнесла:

– Там ничего нет.

– Совсем ничего? – опешил я.

– Из одежды, – уточнила она.

Ну наконец, подумал я. Не соврали кенты. Просто чуть по времени не угадали... Следующие двадцать минут мы провели с ней в тамбуре, где было холодно, но у нее под юбкой было теплее.

И там действительно ничего не было. Это происходило как в эротическом фильме на старой видеокассете – ровно до тех пор, пока она не спросила мое имя, а я, дурак, его не назвал. Она как-то вся съезжилась, скрючилась, как будто яд проглотила. Я еще зачем-то добавил: «Хотите, паспорт покажу?», я ведь тогда постоянно носил паспорт в кармане – ментам показывать, но этим окончательно все испортил. На ближайшей остановке она вышла без слов. Просто не попрощавшись.

На следующий день я вертел в руках бумажку с ее номером, который она успела оставить до нашего личного знакомства, и думал: звонить – не звонить? Вечером я все же спустился вниз и от вахтерши позвонил. Пока ждал ответа, рассматривал записки, которые там, прямо на столе у вахтерши, оставляли жители нашей общаги друг другу. Одна почему-то запомнилась навсегда. Там было написано: «Андрей, ***, оставь ключи!» Тут на том конце провода кто-то ответил, какой-то незнакомый, взрослый женский голос. Я успел только поздороваться и попросить Алену, так ее вроде звали, но голос сообщил, что такая там не проживает, и в трубке пошли гудки.

Я плюнул на эту историю, поднялся к себе и сел за работу. В те дни я пытался написать рассказ на основе попавшейся мне от родственников рукописи. Это были дневниковые заметки моего прадеда, простого горца, который в царские времена отправился в поисках удачи на другой край света. Написанные от руки листы лежали передо мной, и я как раз работал над тем моментом, когда их пароход прибыл в Канаду, когда вычитал эту фразу:

«Городское население Галифакса встречало нас с любопытством. Среди встречающих было много молодежи. Веселые, красиво одетые и очень культурные люди. Мне стало за себя стыдно и завидно в то же время. Я не мог на них насмотреться, и у меня потекли слезы от мысли, для чего мы, осетины, живем на земле, неужели только для того, чтобы коптить белый свет».

Я закрыл рукопись и лег спать к чертовой матери.

В последний день перед отъездом на море меня позвали играть в футбол против дагестанцев, я этого никак не мог пропустить. Обычно мы играли на поле за нашей общагой на улице Кораблестроителей. Дагов там жило много, и практически все были борцами, поэтому на поле они носились как лоси, и никакие наши хитрые тактики против них не срабатывали. Они просто нас перебежали. Мы играли все лето раз в неделю, и осетины проигрывали всегда, и с крупным счетом. Но в тот день как будто что-то случилось, я даже не могу это объяснить, но мы просто стали одним целым – я, Сос, Тамик, Азамат, Азат, Валера и другие. Мы вдруг просто стали одной командой, черт знает почему. Ну и Бен на воротах просто какие-то чудеса творил. Пот с меня катился, как с Зидана, мы сыграли основное в сухую ничью, потом так же и дополнительное. Когда пошли пенальти и мы начали забивать один за другим, даги принялись биться в истерику, такими злыми я их никогда не видел. Они просто не могли поверить в происходящее, да и мы сами тоже.

Когда настала моя очередь бить, мы уже вели в счете, и мой удар мог стать решающим. Я понял, что вот так неожиданно и пришел тот самый момент, который ты будешь вспоминать о себе. И уже через минуту будет ясно, что именно ты будешь вспоминать – что ты неудачник или все-таки что-то сумел. Я неплохо бил пенальти во дворе, не силой, но техникой мог уложить мяч в угол. Но проблема была в том, что еще никогда в жизни от моего удара не зависело так много. Это был самый главный матч в моей жизни. Это меня и подвело. Разбегаясь, я уже представлял, как мы празднуем победу, а этого делать было нельзя. Видимо, поэтому я ударил не очень удачно, верхом, но не сильно, и широкоплечий Мансур легко и без какого-то напряжения достал мяч. А потом мы проиграли. Вечером мы все вместе сидели в коридоре общаги и пили пиво, а я не мог смотреть ни на кого, особенно на дагов, которые были вообще-то классными ребятами, но в тот момент я не знал, кого я больше ненавижу – их или себя самого.

На следующий день мы с Белобрысой уселись в поезд, и я сразу залез на верхнюю полку. Я

понимал, что в последнее время был немного не в своей тарелке от этой поездки, потому что впервые ехал в романтическое путешествие со своей женщиной на море – совсем как когда-то давно, наверное, мои родители, или чьи-то еще родители, и я понимал, что ни черта не готов к этому всему. И я решил спокойно поразмышлять над тремя вопросами.

Вопрос первый: куда движутся наши отношения с Белобрысой?

Вопрос второй: кто я?

Вопрос третий: будет ли когда-нибудь еще такой же важный матч в моей жизни, как вчера?

Решил начать с третьего вопроса. В футбол я играл ровно столько, сколько себя помню. В моем тбилисском детстве взросляки часто играли двор-на-двор, и, судя по тому, как они матерились, это тоже были очень важные матчи для них... А как-то раз весь наш двор замер от новости – Нугзар вышел из тюрьмы. Я слышал это имя всю жизнь, и не только потому, что его младший брат, Алик, учился со мной в одном классе. Просто это имя знал весь микрорайон, каждая семья в каждой девятиэтажке вокруг нашего маленького футбольного поля, а это очень много людей. И вот вскоре после того как Нугзар откинулся, взросляки устроили очередной крутейший матч двор-на-двор. Мы сидели на дереве, матерились как умели и болели за наших, а конкретно за Нугзара. Очень худой, быстрый, смуглый кожей. Вы бы видели, что он творил! Асфальт плакал под его ногами. Но он бы так не запомнился, если б не его выражение лица – полностью отрешенное, холодное, даже надменное, как и положено настоящему отсидевшему вору, ведь именно за это он и сидел. Это было сильнейшее впечатление.

Воровская романтика была тогда в большом почете, я даже сам не заметил, как стал вдруг разговаривать блатными прибаутками. Хоть убейте, не могу вспомнить, где я их понабрался, но в моем лексиконе появились частушки, шутки и мудрости по фене. И вскоре по двору пошел слух обо мне как о чуваке, который может этими знаниями поделиться. А так как русский язык я знал лучше многих во дворе, то вскоре к нам в дверь начали стучаться незнакомые люди и спрашивать меня. Мама насторожилась, а мне стало немного жутко. Особенно я поразился, когда два здоровых грузина, старше меня на пару лет, которые раньше часто меня доставали, подошли ко мне с блокнотом и ручкой и вежливо попросили записать что-то им там.

Один из тех двух грузин, Коба, часто ловил меня. Башка у него такая здоровая была, типа как у Сыроежкина в «Электронике», и голос похожий. Как-то он стащил с меня шапку и стал с ней кататься на велосипеде вокруг здания детского садика. Одной рукой держал руль «Школьника», другой мою шапку. Я был вне себя от злости, смешанной со страхом. До этого один курд отнял мои новые перчатки, которые я всего-то раз надел, и я не смог ничего сделать, слишком он был сильный и наглый, просто пришлось проглотить это. Но, возможно, именно поэтому второй раз я решил действовать. Когда Коба уже в который раз проезжал мимо меня, дразня и размахивая шапкой, я разыскал в кустах длинную ветку, разбежался и с криком «Мэ вар Дон Кихот Ламанчеури!» пронзил ей колесо велика. Грохот от падения был жуткий, я думал, Коба прибьет меня, но вместо этого он бросил мне шапку и начал громко, со слезами на глазах, причитать по поводу сломанного велика. Я даже посочувствовал ему, уж больно жалкими казались эти погнутые, вырванные из колеса спицы, похожие теперь на грузинские буквы.

Так вот, когда Коба со своим дружком подошел ко мне на улице с блокнотом и ручкой и попросил научить его блатной грамоте, я уже не боялся его как раньше. Я выбросил окурочку воображаемой сигареты, сплюнул в пыль и спросил его:

– А ты уверен, что ты этого хочешь?..

– Ну да, – ответил он.

– ...Или убежден? – медленней, со значением добавил я.

Он замолчал, ничего не понимая, но я его спас:

– Это и был твой первый урок, Коба. Никогда не молчи на разборках. Момеци шэни блокноти¹.

Я стоял и с чувством победителя записывал там что-то типа «Крути педали, пока ***** не дали», и тут вдруг услышал холодный голос за спиной:

– На вора качаешься?

Я обернулся. Это был Нугзар. Даже не знаю, с чем сравнить сам факт того, что он сам, первый заговорил со мной. Это значило, что я теперь в другой лиге. Я что-то промямлил в ответ, пытаюсь скорчить такое же безразличное лицо, какое было у него, а он сказал что-то типа: «Маладец, бичо», – и медленно пошел дальше смотреть, где что плохо лежит.

В те прекрасные дни воровство по мелочи стало нашим обычным делом. Рубль из бабушкиного кошелька на видеосалон, арбуз на базаре, яйца в магазине, микроскопы на складе... Про микроскопы промолчу, пожалуй, до сих пор не понимаю, зачем мы туда полезли. А зачем нам нужны были яйца? Да просто: поднимаешься на крышу девятиэтажки и кидаешь ими в прохожих! Они начинают ругаться, а мы, чтобы не поймали внизу, бежим по всей крыше от десятого подъезда до первого и дальше несемся по лестнице, заодно стучась во все двери. Кстати, арбузы нам нужны были для того же самого. Эх, видели бы вы, что остается от арбуза, сброшенного с крыши шестнадцатиэтажки... Ничего, большое мокрое пятно.

А как-то раз я украл настоящий мяч. У ребенка.

Я ничего не собираюсь говорить в свое оправдание. Но все же, может, этого бы и не случилось, если бы у нас был хоть один нормальный мяч во всем дворе. Я до сих пор не понимаю, почему в Советском Союзе был такой дефицит с футбольными мячами. Это никак меня не извиняет, но почему во всей нашей большой компании друзей мяча не было ни у кого? Ну, я могу понять дефицит продуктов, это, наверное, не так просто решить, но дефицит мячей? Почему они стоили так дорого и почти никто не мог их себе позволить? Мы очень долго играли не мячами, а камерами. Резиновыми камерами от порванных мячей, у которых стерлась оболочка и осталась только камера, которую мы клеили-переклеивали по тысяче раз. Обиднее всего бывало когда, ударяя ногой, попадаешь по твердому резиновому пупку этой камеры: это всегда было очень больно. Но больше играть было нечем... Ну, один хороший мяч в компании у нас все-таки был – у Мамуки. Но он хранился у него дома – в серванте за стеклянной дверью. И когда мы приходили к Мамуке, то подолгу стояли напротив этого мяча и просто смотрели. Так никогда и не достали его из серванта. А Мамука стоял чуть позади нас с довольным видом единственного обладателя этого сокровища и главного его охранителя. Его важность и надменность мы ощущали спинами – как и боязнь, что он перегрызет нам горло, попытайся мы дотронуться до этого мяча. Эту черту характера он удивительным образом сохранил и даже удачно монетизирует – через десять лет Мамука станет работать в охране у Эдуарда Шеварнадзе, тогдашнего президента Грузии, и получит в свой «сервант» вместо вялого мяча вялого старика.

Шанс поиграть нормальным мячом случался на школьной физре. Как предмета у нас ее никогда не было – учитель, ни имени, ни лица которого я не помню, кидал нам мяч и удалялся в свою каморку пить цинандали и рубиться в нарды. И правильно делал, потому что большего счастья для нас, пацанов, не существовало. Даже переодеваться в спортивное не надо было: скинул пиджак, снял галстук, закатал штанины, чтобы не пачкались, – и вперед. Играть в футбол с одноклассниками мне удавалось куда хуже, чем во дворе, ведь я был почти на год младше всех в классе. Поэтому приходилось всегда стоять в защите. Хотя какая там защита, все просто носились за мячом толпой. Я же все чаще околачивался возле своих ворот. Но именно так я и забил лучший гол в своей жизни. Наши все побежали к воротам ненаших и смешались там в одну кучу.

¹ Давай сюда твой блокнот

Я заскучал, так долго они там возились. Уже потерял интерес, но тут кто-то выбил мяч, и он, подпрыгивая на асфальте, устремился точно ко мне, прямо под правую мою ногу. Думать ни о чем не нужно было, я сделал шаг вперед и, чуть наклонившись влево, со всей дури вложился в удар. Все замерло, кроме мяча. Только он летел – над полем, над домами, над школой, над директрисой, над улицами, над блатными и над простыми, над деревьями и над собаками, над виноградниками, над холмами и даже еще выше, над Тбилиси и Кутаиси, над стадионом «Динамо», где шел матч, – пока, наконец, не влетел сквозь чьи-то руки, мимо удивленных лиц, прямо в «девятку», и тут же под ним, вытянув руки, пролетел Заза Тамоев, который стоял на воротах. Через секунду я лежал на земле, а на мне сидел весь мой класс. Они меня били, душили, дергали за волосы... по-другому радоваться мы не умели.

А тот мяч, за который мне стыдно, он просто свалился на нас в один день. Был день, мы сидели у кромки нашего футбольного поля во дворе и болтали о том, чье кунг-фу сильнее, и тут я увидел, как на балконе, кажется, десятого этажа ближайшего корпуса, появился малыш с мячом в руках. Переваливаясь с ноги на ногу, малыш поднял свою ношу над головой, дотянулся до перил (уже в тот момент я сказал ему мысленно: «Давай, я знаю, ты можешь это сделать...») и скинул его вниз. Мой план был готов еще до того, как мяч коснулся земли. Я быстро поймал прыгающий мяч, подобрал с земли осколок стекла, нацарапал на мяче крестик и велел всем сейчас же начать играть в футбол. Через пару минут из подъезда дома вышел отец малыша и приблизился к нам с претензией. Уже зная свою роль, я подскочил к этому дядьке и ткнул ему свежим крестиком на мяче в лицо:

– Ай, нахел!¹ – Дескать, мяч-то наш, мы его давно поместили, чего хочешь?

До сих пор помню, как он почесал свою тыкву, развернулся и ушел. И до сих пор не понимаю, как это возможно. Актер я тот еще, но, видимо, наглости уже поднабрался к тому моменту, это и сработало.

Это был легендарный мяч. Забыл сказать, что он оказался баскетбольным. И следующие два года мы играли в футбол баскетбольным мячом. Тяжеловат, конечно, но ничего, привыкли. В каких только приключениях он с нами не побывал... Мы им так дорожили, что даже с Олежкой стали вести подсчет его «смертей», то есть случаев, когда мы его чуть не лишились. Как-то раз я запустил его в окно первого этажа в первом подъезде нашего дома и разбил стекло. Мяч залетел внутрь квартиры. Вскоре из стеклянного пролома высунулся голый по пояс молодой дядька и на грузинском спокойно пригласил нас зайти. Мы наложили в штаны, но делать было нечего, зашли. Дома этот спокойный тип оказался уже в майке, сел напротив нас и долго молчал. Он не стал устраивать скандалов, искать родителей и все такое, хотя было заметно, как он недоволен. Просто помолчал для важности, попугал своим молчанием – и отдал мяч. Достойный чувак, спасибо ему. Когда мы уходили, из комнаты с широкой улыбкой вышла молодая женщина в халате, и мы потом весь день ржали с Олежкой, что не просто окно выбили чуваку, но и секс обломали.

В другой раз мяч тонул в Куре, это было в районе Дидубе, и мы бежали за ним очень долго, с пару километров, наверное, пока его не начало прибывать к берегу, и какой-то взросляк не спустился по внутренней лестнице и не поднял его нам. И таких клинических смертей у того мяча было штук с двадцать, не меньше, мы ведь с утра до ночи на улице околачивались и в приключения попадали.

А через несколько дней, тем летом, случилось землетрясение. Был поздний вечер, дома у нас все готовились спать, и когда все зашаталось, мы сначала подумали, что это опять Любимовы с шестого этажа над нами устроили дискотеку, но потом наша люстра из чешского хрусталя задрожала так, что с нее искры посыпались. Мы всей семьей бросились вниз: я, самый младший,

¹ Вот, смотри!

за мной папа, который потом сопьется, мама, которая умрет от рака, старший брат, с которым я разругаюсь, – все мы бежали вниз по лестничной клетке и держали друг друга за руки. Все ходило ходуном, двери распахивались, соседи выскакивали из квартир, из мусоропровода выпрыгнула прямо на меня гигантская крыса, а когда мы уже были на первом этаже, вырубился свет. В полной темноте выбежали на улицу спального района на краю гигантской империи. Через несколько минут людей на улице стало столько, сколько на Маракане, когда Бразилия в финале проиграла Уругваю. Кто-то успел взять с собой одеяла, хотя было очень тепло, другие просто громко кричали. Мы семьей стояли, обнимая друг друга, и мама так сильно прижимала меня к себе, что было даже чуть-чуть больно. Постепенно страх отступил, люди начали по-соседски болтать, зазвучал смех. Через минуту я услышал знакомые звуки: кто-то лупил по мячу на поле, за глухим ударом ноги о мяч следовал звонкий удар мяча о железную сетку забора. Не успел я удивиться этому, как услышал позади знакомый низкий голос:

– На ворота встанешь?

Я обернулся. Это был Нугзар. Он широко улыбнулся, сильно обнял меня, а потом земля снова задрожала, раздался скрип колес, и я проснулся.

Было утро следующего дня, поезд быстро приближал нас к курортам Черного моря. Белобрысой нигде не было, я слез с верхней полки и огляделся. По-хорошему надо было идти умыться, но в те дни туалеты в поездах закрывались на время стоянок. Прекрасная была пора.

– Молодой человек, – услышал я женский голос. В отделении купе напротив сидела женщина каких-то там лет, точно не моих. Накануне я ее тут не видел. Немытыми глазами я уставился на нее. – Вы знаете, – сказала она, – у вас очень белая кожа.

Ну началось, мелькнуло в голове. Так, надо сказать свое имя, а если понадобится, то и фамилию. Чтобы сразу избавить себя от глупых эротических игр.

– Знаете, дама, – сказал я, – снаружи я белый, но внутри – насквозь черный. Даже прописку могу показать. Вы и имя такое вряд ли слышали. Его даже мой научрук не смог запомнить, а он-то человек знающий – профессор, голова!

Тут дама неожиданно оборвала:

– Можно вам дать совет?..

Я насторожился, а она продолжила:

– С такой нежной кожей вы быстро сгорите на море. Вы же, петербуржцы, по полгода там у себя солнца не видите. Вам сгореть – нечего делать. И подруга ваша такая же.

Петербуржцы, значит... Это мы-то с Белобрысой... Которая хоть и белобрысая, а в паспорте у нее похлеще моего набор глухих согласных.

– Спасибо, – сказал я вполголоса. – Большое человеческое спасибо за этот совет... – И за чем-то, уже громче, прибавил: – Кстати, а знаете, как по-осетински «Петербург»?

– Мне-то это зачем? – вдруг напрягшись, спросила дама.

– Бетырбух, – сказал я.

Через сутки мы с Белобрысой вывалились в ужасно жаркий день на вокзале Анапы, прямо в шумный шалман местных жителей, предлагающих жилье. В городе мы сняли комнату в пристройке у трансформаторной будки, а оставшиеся деньги распределили по дням. В сутки нам будет хватать на еду с рынка и литр крепленого краснодарского вина. В первый же день я сгорю на солнце так, что весь покроюсь волдырями размером с теннисный мяч, и ко мне нельзя будет прикасаться все две недели.